

БАХТИЯР
ВАГАБЗАДЕ
ДЕВИЧЬЯ
БАШНЯ

Бахтияр
Вагабзаде
Девичья
башня

БАХТИЯР
ВАГАБЗАДЕ
ДЕВИЧЬЯ
БАШНЯ

Стихи

Авторизованный перевод
с азербайджанского

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1968

Б. Вагабзаде — известный азербайджанский поэт, автор многих книг, вышедших в Баку и Москве.

Стихи Б. Вагабзаде отличаются глубиной мысли, тонким лиризмом. «Девичья башня» — шестая книга поэта на русском языке.

Художник ЧИНГИЗ ФАРЗАЛИЕВ

Откликнись, строка, словно эхо,
на гром и на шепот в толпе.
Возникни, строка, словно вежа
на чьей-то нелегкой тропе.
Не надобно благоуханья
нездешних загадочных роз —
прерывистой будь,

как дыханье
всех тех, кто к работе прирос.
Не лги, не жеманничай ломко
салонным красоткам под стать,
но девушкам — сборщицам хлопка —
не дай раньше срока устать.
Будь в поисках неутомима,
и в твой сокровеннейший миг
яви мне

не каплю от мира,

но в капле

яви мне

весь мир!

Не бойся звучать из-за такта,
хоть нот и не больше семи.

Не будь констатацией факта,
будь фактом сама, черт возьми!
Круши

всю пустую породу,
тори свой особенный путь
и, будь так любезна,

народу, любезною будь!
Стань, стих мой,

для тех

партбилетом,

кто Ленина

сердцем постиг,
и я не мечтаю об этом,
я требую, слышишь, мой стих?!
Строка,

в тебе — вся моя сила,
как в детях — вся сила отца.
Меня до конца ты вместила —
отдай же меня

до конца!

Баллада о времени

Остановись, мгновенье!

Гёте

Нам не хватает времени,
всю жизнь его не хватает...
Оно, словно конь крылатый,
от нас вперед улетает.
Как мартовская снежинка,
оно на ладони тает.
Нам не хватает времени.
Времени не хватает...
Мечта одного лишь часа
в три жизни
не уместится!
Не лучше ли,
как за соломинку,
за дело

нам ухватиться?
Вечно —
и ночью, и денно,
по жизни —
за часом час
влачим мы соломинку —
дело,
или — соломинка нас...
Сколько не сделано — боже!
Не знаешь с чего начать!
Это — работа навечность,
это — работа на час...
— Не одолжите ли времени,
простите, как вас по имени?
— Ни под какие проценты.—
И не помогут протесты.

И — ни сложить, ни вычесть —
время
отпущено в целом.
Стрелки!
Остановитесь!
Дайте покончить с делом!

Не заключаются сделки.
Дальше
вращаются стрелки,
свет
темнотою сменяется,
ибо планета вращается

вечно —
и ночью, и денно,
делая свое дело...

Сколько цветов
с ароматом,
который мы не вдохнули?
Сколько
мы недоработали?
Сколько
недоотдохнули?
Сколько одежд
не носили мы?
Сколько преград
не осилили?
Но ведь желание

было!
...времени нам не хватило,
с временем не получилось...
Чья-то звезда скатилась,
кто-то

достиг перевала...
Времени,
времени мало!!!
Так воспоем откровенье
тех, кто в прозрении вещем
вдруг

остановит
мгновенье
и подчинит себе
вечность!

Горный поток

Слышу твой шум в отдаленье,
горный поток.
Ты в своем вечном стремленье
не одинок.
К морю свой путь через сушу
ты проложил.
Ты в эту полночь мне душу
разбередил...
Шум твой ущельями гонит
эхо в горах.
Днем умирает твой голос
в ста голосах.
Из поднебесья ты послан
миру долин.
Жажду селенья и поля
ты утолил.
Может, вернуться ты хочешь
в край ледников,

где так привольно грохочешь
среди облаков?
Где очертания строги
горных вершин?
Нету обратно дороги,
к морю спеши!
Кровь моя ходит кругами,
бьется в виске.
Сердцем я под облаками
в странной тоске:
точно поток по камням —
в небытие
время несет поколения,
время мое...
Что же, и малая капля
в крохотный срок
многое может!
Не так ли,
горный поток?

У карты Мира

На карте Мира красок тьма:
что делать?
Мир поделен!
И все ж повсюду желт песок
и лес повсюду зелен.

Делили Землю короли.
Знамена реяли в пыли,
и шли солдаты в бой.
Война смотрела вслед войне,
но прежним по величине
остался Шар Земной!

Сорок первый перевал

Столб верстовой не так мелькнет:
жизнь, половина!
Года... За сорок первый год
перевалило.

На этот шедши перевал,
что видел, вспомни!
Как дерево не замечал,
как мимо — корни.

Не знаем, дальше наша цель
иль стала ближе.
Не знаем, кто еще и с чем
навстречу вышел.

В движении... Транжирим мы
жизнь и дорогу.
И днем и ночью мы спешим
прийти к итогу.

Задуматься, передохнуть,
прошедши столько!
Последняя, быть может, здесь
и остановка?

На сорок первом — в первый раз —
встал перевале.
Назад взглянуть и впереди
окинуть дали.

Быть может, я на полпути,
в конце, быть может?
Не где-нибудь, а может, здесь
мороз уложит?

И сорок первый мой привал —
привал последний?
Уже не юн, еще не стар,
уже посредник?

Быть может, я еще пройду,
сколь буду должен,
Быть может... Снова по рукам
связав «быть может»?

От всевозможных «может быть»,
быть — не добиться!
Зависеть от пустых щедрот
нам не годится!

На сорок первый перевал
встать, оглядеться.
На тыщу первый перевал
взобраться сердцем!

Сегодня минуло полжизни.
Еще вчера ли ползал я?..
Так день проходит, жизнь проходит...
И ты — не ты, и я — не я.

Вчера — молчала, избегала.
Сегодня — клятвы и цветы.
Так день проходит, жизнь проходит...
Но я — не я, и ты — не ты.

Что время, душу потерявши,
В твоей обрел ее черты...
Любовь ни в чем не изменилась.
Ты — это я. Я — это ты.

Светает

Светает... В растворенное окно
весь белый свет ко мне попасть стремится.
Светает... Наступает все равно
все, что сегодня с нами приключится.

Светает... Остывает звездный свет,
и звездный свет сердец, неугасимый,
уже горит... Ночь замечает след...
Ждут человека выси и низины.

Светает... Проступают города.
Вот-вот заря из искры возгорится.
Светает... И светлеет вся земля.
Светает, чтоб светлели наши лица.

Светает... И пределов свету нет.
Да будет утро! Спящий да восстанет!
Во имя всех, идущих на рассвет,
на всем пути да вечно так светает!

• • •

Ты говорил...
Послушай нас теперь.
«Я Родину люблю», —
сказал ты.

Что ж, прекрасно!
Но
за любовь
от Родины своей
не требуй благодарности
всечасно.

Всем, что ты есть:
и славою и честью,
смятеньем,
чувством,
разумом и кровью, —
ты Родине обязан,
только ей!
Ее ты любишь... Верно!
Но любовью,

ты снова ей обязан,
только ей!
Люби, но за любовь не жди награды.
Люби, любви не требуя иной.
Любя, «моя! моя!» — твердить
не надо...
Все любящие говорили: «твой».

1-213124

А я иду...
И все еще в пути...
И вот уж полтора столетия ровно
как этот мост
не в силах перейти.

Мосты стоят
меж разных берегов,
длиною
в тысячи
и миллион шагов.

И есть один
мост,
как и все,
но только
длиною в сорок пядей,
мост короткий¹.
Но так еще длинна
его короткость,
что не видна
в веках
преодоленность.

¹ Мост «Прощания», разделяющий Южный, Иранский, Азербайджан и Советский. Построен 150 лет назад.

Просторный школьный класс

Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс.
Не повернется время вспять,—
кто старше стал из нас?
Ты меньше кажешься теперь,
но с тех давнишних пор
я разглядел в тебе,
поверь,
невиданный простор!
В тебе —
начала всех дорог,
хоть с виду ты и прост.
Но для меня
твой потолок
простерт
превыше звезд.
Ты ярким солнцем освещен
всех стран
и всех морей,

ты трассами
пересечен
межзвездных кораблей!
Стремятся к звездам корабли,
но кто, скажи, забыл,
что тайны первые Земли
пилотам
ты открыл?
Не столь высок
полет иных,
но тоже — путь в борьбе!
Скажи,
начала скольких книг
задуманы
в тебе?
Ты аккуратно побелен,
ты занят уймой дел,
но
свыше
предопределен
высокий твой удел.
Как озабоченный отец,
угадываешь ты
в биениях маленьких сердец
несметные мечты.
Я тоже выученик твой,
просторный школьный класс,
в тебе
услышал я впервой
седых преданий глас.

Час от часу,
 день ото дня —
самим собою быть,
учиться —
 ты учил меня
и научил —
 учить.
В тебе, мой класс,
 я познавал
величие Земли.
Как современнику, пожал
я руку Физули,
пред ним я голову склонил,
суровым стал,
 как он,
когда со мной ты говорил
о войнах
 всех времен...
День ото дня
 в тебе я рос
в мельканье школьных лет...
Вопрос
 рождал другой вопрос,
ответ
 сметал ответ.
Вопросы, древние как мир,
вопросы как намек —
о, как порой
 вопрос томил,
как был ответ далек!
Ну что ж, недаром мы прошли

дорогами войны.
Ответы главные нашли,
мой класс,
 твои сыны!
Не повернется время вспять,—
кто старше стал из нас?
Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс...

Кажется нам...

Нам в детстве
как будто
и время само как дитя:
еще недоступное тяготам бытия,
еще неразумное,
чисто —
святой чистотою детей.
Нам в детстве
как будто
не время даровано — тень.

Как мы его стерегли
А время играло с нами.
Смеялось оно,
забавлялось...
Время — в руки из рук —
мячиком возвращалось.

О смене
ночей
и дней
знать мы тогда не могли.
И потому текли
некалендарные,
безымянные,
наши розово-пестрые дни.
Времени трезвым взором
мы не глядели в мир.
Просто играли в прятки
с временем самим.

Выросли...
Каждый из нас
выбрал в борьбе
пути.
Тем временем время так спряталось,
води не води —
не найти.

Время сбежало.
Мы из игры выбыли.
Был только голос издали...
Был только голос усталый...
Тем временем
нами стала
тьнь времени.

Кажется нам:
нет времени

и у времени,
как у нас,—
 на многое,
и ему
все теперь
безразлично, наверное.
Такая же, как у нас,
седина появилась у времени,
такая же седина...

Нет!
Это мы — обманулись.
ВРЕМЯ — во все времена —
ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ.

В разлуке

Нет тебя. Разлука есть,
вечности сестра.
Что ни день — за белый лист
я сажусь с утра.
Еле-еле длится срок,
шелестят листы.
Из моих неровных строк
возникаешь ты.
Я душой к тебе лечу
через небосклон.
Милый профиль твой черчу,—
не выходит он.
Ускользаешь ты, как дым,
таешь не спеша.
Профиль твой неуловим
для карандаша.
Загораясь и скорбя,
я пишу, пишу...

Ты — мой воздух.

Нет тебя.

Как же я дышу?

Сколько зим и сколько лет

только ты одна

по весне — мой белый снег,

по зиме — весна?

Без тебя слышней стократ

самый робкий звук...

Все влюбленные не спят

в дни своих разлук.

Все сомненья — на весы!

Я любви учусь

в эти строгие часы

испытанья чувств.

...Что с того, что сто разлук

были и прошли?

Я узнал тебя, мой друг,

от тебя вдали!

До отчаянья любя,

всей душой храня,

понял я, что без тебя

просто нет меня.

...Тот разлуки не постиг,

кто в стремленье — жить! —

захотел единый миг

в вечность обратить.

Никогда для нас с тобой

не был прав поэт:

миг в разлуке — он порой

дольше долгих лет!

Миг в разлуке — тишина,
что вмещает мир.

Миг в разлуке — седина

за единый миг...

Счастлив я моей тоской,

счастлив,

что, любя,

я, любимая,

с тобой

даже без тебя!

то ль облака, то ль могил надо мною кресты —
вечный твой пленник, царица,— ответь мне, кто ты?

Свет моих слов, размышлений запутанных тьма,
чувства полет и тяжелых страстей кутерьма,
освободитель мой или недремлющий страж,
щедрый оазис в пустыне, коварный мираж,
женщина, дух ли, явившийся из пустоты,
чтобы навеки исчезнуть? Ответь мне, кто ты?

Радуга жизни моей, семь прекрасных цветов,
шелест ветвей, ароматы прекрасных цветов,
солнечный полдень, прозрачное пенье воды,
боль моя, горе, спасенье от лютой беды,
смысл моей жизни, вершина земной красоты,
мудрость моя и восторг мой, ответь мне, кто ты?

Ты и услада, и горечь, и благо во вред;
губ, воспаленных любовью, горячечный бред,
и отрезвление, и полная чаша вина,
и надо мной распростершая крылья вина,
ангел мой, ад мой, отчаянья, страхи, мечты,
жизнь моя, вихрь побережий, ответь, кто ты?

Враг мой и друг мой, соломинка, острый кинжал,
словно, повиснув над бездной, я руки разжал,
и не пойму, то ли падаю, то ли парю,
то ли беру беззащитно, то ли дарю,

**Я не мог
понять, даже рядом бывая,
как душу и тело не сжег?**

Какое ты пламя —
не знаю...

Сжигаешь издалека.

Выше кровель,
выше стен,
с небом вровень —
столбы антенн.
Антенны!
Стальные побеги,
на крышах проросшие!
Антенны!
Огромные крылья
над миром простершие!
Антенны — растения.
Антенны — роскошь.
Антенны —
железный व्यюнок из окошка.
Антенны стоят —
торжеством
человечьего разума.
Антенны.

Пока современнее слова не сказано!

Антенны —
мосты звуковые
от города и до города.
Антенны
теперь
утоление
на зрелища —

вечного голода.

И людям,
живущим в коробках,
в отдельной
рассованности,
антенны — мечта
от мира соблазнов урвать
доступные новости.
Антенны — доступность
на мир недоступный
взирать.

Антенны — мечта
все увидеть

своими глазами,
почувствовать все,
все узнать.

И эта мечта
не сегодня засела в мозгу,
не сейчас родилась...
И, вскрытая
словно ланцетом,
сквозь жесткие кровли,
мечта прорвалась!

Антеннами
век коронованный,
что же короны
трясутся?
Так осенью
деревя
голые кроны
трясутся.
Не жизнь ли сама,
не ее ли трясут
перемены?
Нет!
Я и не верю в это.
Нервы века
сотрясают антенны.

Ах, антенна,
деревцем голеньким,
геометрическим треугольником,
мир словно шар
привязав за ниточку,
так по ниточке —
мир пропускаешь
в дом,
где мечта человека
пульсирует
напряжением тока в нем:
все увидеть своими глазами,
все услышать
своими ушами,

все постичь
интеллектом своим,
умом.

Глаз — железом,
ухо — сталью,
все — донельзя —
сыты стали.
Все неслышимое — слышим.
Все невидимое — видим.
Но...
Опять же «но»...
Не слишком?
Не довольно ль?
Может,
из коробок выйдем!
И услышим — то, что слышим.
И увидим — то, что видим?
Иногда
того не знаем,
кто живет
годами
с нами рядом,
здесь,
под общей крышей,
кто за стенкой
тяжко дышит...
Нам порою неизвестно,
кто несчастен
по соседству.
Ты ли?
Он ли?

Я ль виновен?
Или явное нам внове?
Или чувств нововведение
вызывает удивленье?
Может, выйдем
из серьеза?
Поддадимся
глупым грезам?
И увидим чьи-то слезы?
И услышим чей-то смех?

Выше кровель,
с небом вровень —
сердце
да услышит всех!
Может, и на эти стены
нашей
чуткости
антенны
мы поставим...
Не из стали,
сталь для сердца —
вещь негибкая...
Ощутим же
наравне:
и далекое,
и близкое!

Да! В космос человек взлетел,
парит средь пустоты!
Но разве это есть предел
взволнованной мечты?

Туда, где звездная черта
границей пролегла,
его ракета...

нет, мечта
на крыльях подняла.

Его манил тот странный свет,
и вот — он долетел!
Неужто
крыльев больше нет
и это есть предел?

Нет!
Надо помнить, чтоб прочесть

Вселенной письмена:
возможному
граница есть,
но временна она!

И — за чертой
еще черта,
как перевал в горах,
и Разуму
поет Мечта
о новых берегах...

Девичья Башня

Девичья Башня все тянется, тянется в
море!..

Может быть,
тянется
в путь проводить корабельщиков,
может быть, встретить...
Нет! Ну, а может, надеется,
все еще очень надеется
бросившуюся с башни
и ставшую песней крылатой
девушку, что Журавушкой
называли когда-то,
в дальнем прибое заметить...
Шепот волны неустанный
и песня того прибоя
стенаньями горя стали...
Несчастной любви слезами
омывается берег, не морем...
Стал Каспий — ее могилой.
А Девичья Башня — надгробьем.

Четыре времени в сердце

Нам радио вещает каждый вечер
прогноз погоды: «Послезавтра ливень...»
О, человек, сегодняшний и вещий,
природы прорицатель прозорливый!
Сегодня знающий, откуда завтра ветер!
Я говорю:
не возгордимся этим.
Определять умеем, без сомненья,
на всей земле погоды измененья.
Возможные порывы, колебанья
предсказываем точно и заранее...
Но отчего, всеведущие, мы
не знаем ничего о переменах
своей души хоть в следующий миг?
Четыре времени сменив за целый год,
живет земля. Приходят в свой черед
зима — зимой, весна — весной...
Все к сроку
сменяется... И никуда не деться!..

Но отчего за час единый только
четыре времени переживает сердце?
Сегодня знающим, откуда завтра
ветер,

я говорю:
не возгордимся этим!

● ● ●

Каспий, о Каспий, поведай мне горе!
Что за печаль в твоей бурной судьбе?
Гнев переполнил тебя, мое море,
ненависть грозно вскипает в тебе.
Белые гребни, как чайки, все выше
к небу летят...

На утесе стою.
Море, когда я таким тебя вижу,
море, в тебе я себя узнаю.
Так я штормлю, когда гнев закипает,
волны души возношу к небесам...
Ненависть

сердце мое
окрыляет,
силы
вдвойне прибавляет словам.
Боже!

Куда же от гнева я денусь
не от чьего-нибудь, от своего?

Ради чего я бушую и пенюсь,
ради чего?!
Ради чего так беснуются ветры,
ради чего так безумствует кровь
всех моих вен?

 Может быть, ради веры?
Веру, я слышал, рождает любовь!
Море, спасибо за крайности эти,
за сумасшедшие громы твои.
Я бы не прожил

 без гнева
 на свете,
как и не смог бы прожить без любви.
Каспий, о Каспий, пусть гнев нас подружит!
Бешеный ветер твой
 так яростно чист —
пусть же он
 душу мне
 вихрем закружит
и до любви во мгновение домчит!

Полет

«Я в Кусары приехал.
 Ставлю точку
посередине начатой строки.
Я выдохся и переутомился,
почти оглох от свистопляски буден,
от шелеста страниц, от голосов...
Пусть будет тишина.
 Пусть будет небо
и тишина! Я руки распахну
навстречу небу,
 повалившись навзничь,
я стану грызть травинку и смотреть
на облака...

 Итак, да будет отдых —
желанный отдых после всех трудов!» —
так я сказал.

 И внешне все поступки,
все действия мои — до мелочей —
мои слова на деле подтвердили.

быть среди них,
 в движенье — мой удел!
Малю мне море. Мне нужна безбрежность.
И тесен день, коль вслед приходит вечер.
И вечер тесен, коли ночь приходит
за ним в черед, так страшно коротка...
Ты хочешь знать, кто я на самом деле?
Я — жизнь сама.
Я — вечности мерило.
Лишь только мной

Я возвращаюсь.
Отдых мой нарушен.
Мои часы «Полет» слегка спешат.

Легко вороне. Двести лет живет она по той причине, что — кому она нужна? Недаром старая поговорка гласит: «Тряпье негодное — всегда пожар щадит». Легко вороне — ни врагов и ни друзей... Но как несчастен в мире этом соловей! Открыто небо сотням, тысячам ворон, а соловей, бедняга, в клетку заключен.

Спросил я мать мою: «Скажи мне, почему
судьба невольника

 певцу любви, ему
досталась горькая, меж тем как воронье
летает где не лень и каркает свое?»
Услышав речь мою, заплакал соловей:
«Я здесь по милости — не по вине друзей.
Моих поклонников на всей земле не счесть,
и эта клетка — мне оказанная честь,
чтобы лилось не среди парковых оград —
среди золоченых прутьев

 золото рулад.
Я сладко пел, я жил, я вольной пташкой был.
Мое богатство — мой талант меня сгубил...»

Славословие ночи

Слава ночи!
Ночное небо сегодня подобно карте
ночного неба.
Оно так ясно,
что невольно приходит в голову мысль
о фиолетовом бархате
с множеством аккуратных проколов,
подсвеченном сильной лампой,—
на удивленье
всем посетителям Планетария,
всем земным полуночникам.

До чего же хороша ночь!
Ее прелесть одушевила
даже мертвые камни:
ущелье дышит,
полон жизни профиль скалы
на небесном фоне —
горы не желают спать!

Ночное небо
смотрит — не наглядится
на произведение собственного
искусства —

ночь на земле...
Сколько глаз у ночного неба?
Множество!
И во все глаза
оно смотрит в тишину.
А луна,
самый зоркий глаз,
наблюдает влюбленных...

Слава ночи!
Сегодня спать — преступленье!
Ночь наполнила чашу
тверди небесной —
наполним чаши и мы!
Выпьем
за здравие ночи!
Пусть к звонам звезд
примешается
наших бокалов звон.

Как можно спать, в самом деле,
в ночь такую, как эта,
в ночь, когда даже камни
глаз не в силах сомкнуть?
Нет, мы не станем спать!
Наша жизнь не так уж длинна,
чтоб мы спали
в ночь такую, как эта,

меж тем как большую часть нашей жизни
мы проводим во сне.
А после всего,
после жизни —
о, нам предстоит тогда славно выспаться
в течение тысячелетий,
в вечности...

Нет, мы не можем,
мы не хотим позволить себе
ночь такую, как эта,
проспать!
Сердце этого нам не простит!
Право, это бы означало —
лучшее в жизни
проспать!
Это означало бы —
проспать жизнь!

Давайте же слушаться сердца —
полнее бокалы
вином, золотым как звезды,
и черным, как ночь сама,—
полнее бокалы,
выше —
и — слава ночи!

Стихи

о Пиргулинской обсерватории

(ее научным работникам посвящается)

1. Небольшой дом

Обсерватория!
Лицом к лицу
Вселенной встала ты.
В краю бескрайности,
в морях безмерности
дел — беспредельность,
поиск — в бесконечности.
И, стоя на земле,
мечтами в небеса
устремлена.
С небес тебе
земля
на небесах видна.
Обсерватория!

Ты —
самое
огромное окно,
во Вселенную
растворенное!
Как же Земле не гордиться!
Как Матери не хвалиться!
Сын в небо пошел учиться!
— Иди!
В небеса идущий!
Кто учится —
будет
умницей!

Слипшиеся горизонты,
гаснущие зарницы,—
это — твой, астроном,
распахнутые ресницы!
Ночь — это день твой.
Ночь — это бденье.
Это тебе,
первокласснику,
звездный свет
изучать,
как азбуку!
Вам, астрономам,
по мерцанию звезд
читающим,
как по складам,
иные миры —
открывать
вам!

Обсерватория —
небольшой дом.
Но сколько миров
по ночам
собирается в нем!

В этом доме, растаявши,
ночь превращается в утро.
Открывается в утро
из этого дома
окно
и — распахнуто.
Этот дом на вершине горы —
это память о Завтра!
Этот дом
как рука
этих дней
дням грядущим
навстречу протянута.
И грядущее
светом летящим навстречу
так тянется!..
В этом доме родившись,
Грядущее начинается.

2. Телескоп

Тайна — здесь, на земле,
и там —
тайна.
В космосе — тайна тайн.

Сколько их,
и земных,
тайн волшебных разгадано было
и много другого, разного, —
только работой глаз,
только работой линз,
а не просто работой разума.

Телескоп.

Тело.

Вскок.

Ты, созвездие Гончих Псов
нагоняющий,
словно пес гончий, —
в пустоте —
самой долгой
и самой бездонной, —
может, ты — самый первый
кормчий!

Телескоп — глаз.

И у него вежды.

Космос и человек,
логика и гипотеза,
истина и неизвестное,
а телескоп между.

В галактике — дорога, дом и цель...

Вся бездна над тобою — ореолом.

Что бесконечность — ближний твой

предел?

Что дальность, только ставшая прологом?

3. Астроном — поэт

И ты — астроном, и я — астроном.
Ты — телескопом,
а я пером
водим,
водим...
Но ищем оба:
ты — новые звезды,
я — новое слово.

Ночь на грани восхода... Проблеск!
Мы восходим к восходу... Поиск!

Поиск! Поиск!
Денно и ночью.
Есть надежда! Все безнадежно!
Поиск! Поиск!
Нельзя иначе.
Есть удача! И все неудачно!
Новое — там!
Слово
и звезды.
Тысячелетиями
с тайнами тайн
это сражение идет человечье!
Это сражение уходит в вечность!
Это сражение нескончаемо...

В книге неба
тайны читаем мы.

Понимаем
и бесконечность,
и глубину понимаем вполне...
В вечную глубину!
В новую глубину!
Новое в глубине!

Начав от единицы чисел ряд —
восходишь!
Вот уже опоры потеряв,
плывешь в свою прекрасную мечту,
столб вероятности подставив в пустоту.
И сердце в том бездонном и бездомном
пути — само как тайна — без ответа.
Брат мой названный, здесь не астрономом,
в мечте — и ты становишься поэтом.

Пока мечтать о новом не старо,
взмой в небеса!
А я вернусь к земле.
Пусть телескоп твой и мое перо
работают
всегда на глубине.

И в глубине
откроется она —
космическая тайна —
глубина.
Погибнем?
Пусть погибнем в глубине!

На мелководье

тонет трус,
как водится,
от ужаса...

И только в глубине
погибшие —

героями становятся.

В книге неба
тайны читаем мы.

Понимаем
и бесконечность,
и глубину понимаем вполне...

В вечную глубину!

В новую глубину!

Новое в глубине!

4. Карта неба

О, ты рисуешь карту неба — верно.
Как пристально глядишь и видишь в бездне:
Вот Солнце,

Марс,

Нептун,

а вот Венера,

вот долгота и широта

других созвездий.

Здесь параллели и меридианы
небесные не разделяют страны.

Не делят государства в государстве,
а лишь определяют их в пространстве.

Созвездье над созвездьем не теснится...

Где ж на земле подобные границы?

Вселенная едина, — ты ответишь, —

Ее границы не увековечишь!

Но хорошо, не создана пока что

Вселенной политическая карта!

Великое чувство чести

нас окрылило.

Здесь начинается утро новой истории...

Есть на Земле

будущего

единого

мира —

первые здания —

обсерватории!

по деревьям,
по крыше
барабанят
и свыше
пламя гасят:
поттише!

Земля — небо

Души высохших рек небеса принимают.
Облаков вереницы в небесах проплывают.
Дым из труб заструится — небеса принимают.
С губ дыханье сорвется — небеса принимают.
Закричит человек —
крик
как пик в небеса проникает.
Ахи, вздохи,
проклятья,
восторги призывов
и позорные сполохи атомных взрывов
на себя небеса принимают.
Зло — как зло,
и добро — за добро принимают,
что земля ни пошлет — небеса принимают.
И земную тоску до себя поднимают.
Но дожди
по земле,

Самолеты

Исмаилу Шытлы

Это сила от земли —
в поднебесные высоты
поднимает самолеты.
Ветер реял,
ливень лил —
ниже самолетных крыл.
Вот величие на взлете!
Вот величие посадки!
Горделивей не найдете
самолетовой осанки.
Самолета бег — стремительный!
Самолеты — небожители!
Пассажиру своему
гордости дают от гордости,
мужества дают от мужества...
Самолеты — вот содружество!
Не по дням, а по часам,
жизнь у часа незаметная,

связь растет межконтинентная.
Самолеты в небесах
тянут связь
и днем и ночью,
каждый раз,
и путь их точен.
Долетели
самолеты
прямо к цели.
Одолеют! Нипочем
тыщи спусков
и подъемов,
виражей
и поворотов,—
путь прямой у самолетов.
Не согревшись изнутри —
тоже не начнут работы,
скорости не наберут,
не согревшись,
самолеты.
Жизнь — и летная — не легкая...
Смерть — такая ж, как они сами,—
тоже самолетная.
Не от старости, не медленно —
как иные
оставляют
мир
и бранные заботы...
А мгновенно
умирают...
Умирают самолеты.

Бесконечна жизнь, как море:
за приливом жди отлив!

В череде летящих лет
я, природе не перечу,
так сказал бы:
жизнь — предтеча
жизни, что грядет вослед!

Для того ли мы живем,
чтобы просто жить — не боле —
точно перекасти-поле:
«Смерть нескоро, смерть потом»?

Ну, а если чувство есть,
что, как сладостную тяжесть,
на плечах

планету тащишь,
и забот ее не счесть,

и стремленьям нет числа,
и тревогам всех живущих,
для времен грядущих, лучших
погрузившихся в дела...

Не грусти, покамест жив,
на предмет «мементо мори»¹.

¹ Помни о смерти (лат.).

Чего-то не хватает...

Окончена работа
в тревожной смене дней.
И вот уже
 чего-то
мне не хватает в ней.
Чего-то не заметил,
а то —
 ушло из рук...
На большее
 я метил,
как выяснилось вдруг!
Бывают и другие
издержки ремесла:
намеренья благие
представишь
 как дела,
и тянется пробелом,
повисшим
 без основ,

дистанция
 до дела
от самых лучших слов.
Уверенность растает
во временности их —
как видно,
 не хватает
чего-то
 в нас самих!
Для этого «чего-то»
уходят поезда,
стартуют самолеты
неведомо куда,
ракеты улетают,
но,
 к большему стремясь,—
«Чего-то не хватает!» —
мы скажем,
 прилунясь...
На счастье ли,
 на горе —
но взгляд
 всегда найдет
«недостает» — другое
внутри «недостает».
С небес
 не сыплет манна,
жизнь
 ломится из схем.
Достигнутого
 мало

во всем,
 всегда
 и: всем.
 Осолнечнен,
 оволнен,
 ветрами освежен —
 мир вечно недоволен,
 и в этом
 связь времен,
 и в том —
 от первых клеток
 до мозга полусфер —
 природа-диалектик
 нам подает пример.
 Кругами ипподрома
 несет нас жизнь — бега,
 и вот уже
 до гроба
 дорога недолга.
 Но мы, как нам ни горько,
 верны своей игре.
 «Еще вздохнуть бы только!» —
 мы шепчем на одре...
 Спешим
 разбить все цепи,
 соединить сердца.
 Спешим совлечь покровы
 со всех на свете тайн,
 чтоб к горизонтам новым
 стремиться
 тут и там.

Открыть
 тайны множит,
 как свет рождает тень.
 «Наш лучший день
 не прожит!» —
 твердим мы
 всякий день.
 В созвездиях плутает
 уже
 наш путь земной.
 «Чего-то не хватает» —
 ведет нас за собой!

Новогодние размышления

Есть в праздниках
радость забвенья забот
как нынешних,
 так и минувших:
что было — то было,
 что будет — пройдет,
и думать об этом не нужно!
Не нужно печалей,
 тревог и досад —
оставим их, право, для буден!
Пусть сердце
 поет беззаветно,
 как саз,
пусть бьется в нем радость,
 как бубен!
И все ж, я уверить вас нынче берусь,
что есть исключенье из правил,
есть праздник особый.
 Он светлую грусть

в своей канители запрятал.
О ночь новогодняя!
 Ты для меня —
веселье,
 но ты и забота:
что нового
 жду я от первого дня
уже наступившего года?
Подобно вчерашнему,
 утро придет,
сугробы не станут белее,
и разочаруется каждый,
 кто ждет
во всем, что вокруг,
 обновленья...
Природа природой —
 так кажется мне,
не скажешь
 и не запретишь ей,
и тщетно
 искать измененья
 вовне
души,
 среди веселья притихшей.
Природа природой.
 В ней сказочна тишь,
и ели оснежились модно...
Но только едва ль
 и душе запретишь
с собою беседовать молча!
Пусть был незаметен ей времени бег,

Потерял...

«Так жить я больше не могу!
Нет мочи!
Довольно!
Я устала!
Кончено!..» —
сказала и уехала в автобусе.
А я стоял...
Я вслед ему не бросился.
Мне показалось...
Ну, скажи на милость,
что время тоже вдруг остановилось.
Нет!
Не остановилось!
Не осталось!
Не растерялось,
а каким-то образом
оно твоим уехало автобусом.

Так оказалось в мгновение ока —
прощенье и пощада —
все далеко.

Но что это?
Теряю я опору...
Предметы изменяют облик свой...
Дорога вниз —
идет отныне в гору!
Кто двинул время против стрелки
часовой?

Я не с тобой расстался,
не с тобой...
Я сам с собой расстался,
сам с собой.
Чем был я?

Чем я стал? —
Кто б мне сказал!..
Все улицы мне рухнули в глаза...
Я потерял тебя?
Наоборот!
На улице?
С лица которой стерт?
Смешался мир.
Во всей вселенной —
путаница...
Кто плачет?
Чьи рыдания
раздались?

Я потерял тебя
на всю пустую
улицу!
А если потеряю
на всю жизнь?

Столпотворенье и забор

С небес гордецу Вавилону
явилось возмездье в ночи:
где высилась дерзкая башня —
там грудой лежат кирпичи.
Кирпич развезли по предместьям,
и с тех приснопамятных пор
возникло понятие «застройщик»,
а также и слово «забор».
Мой друг Диплодок Бронтозаврыч
в последнее время расцвел:
воздвиг он шикарную дачу,
вкруг дачи ограду возвел.
Он вводит меня на участок
с подстриженной ровно травой:
«Мое!» — говорит он довольно
и делает жест круговой.
«Отлично! — ему отвечаю. —
Ты дивное справил жилье,

ограду поставил — на славу,
и все, что в ограде, — твое.
Но есть за оградой море,
есть грозный, как небо, прибой,
и яростный ветер побережий,
и он, этот ветер, не твой!
Но есть за оградой ущелье
и склон каменистый, крутой.
На склоне том вырос подснежник,
и этот подснежник не твой!
Но есть за оградой город,
охвачен он днем суетой,
но утром тот город прекрасен,
увы, этот город — не твой!»
И я выхожу за ограду,
и лютую навстречу лучи,
но я еще долгое время
разглядываю кирпичи.
Что делать? Я прав безусловно!
И вывод мой верен, хоть плачь:
развалины столпотворенья
пошли на заборы для дач!

Ода разобщенности

В этот мир
мы приходим без имени...
Век двадцатый.
Родильный дом.
Кто какого здесь роду-племени —
разве знают они о том?

Это — в будущем.
Это — потом.

А пока
в цветке из пеленок
человек зовется
РЕБЕНОК.
День от ночи
он не отличает,
окружающих
не замечает

и когда чего-нибудь хочет —
плачет.

У него одно желание —
жить:
желание есть и пить,
чтоб не холодно было,
чтоб не было больно...
Слов не надо для этого,
слез довольно:
мир открывает плач —
универсальный ключ,
международный язык младенчества...
А может быть,
первый язык человечества?
Первый поэт
или первый врач —
кто сотворил их?
Наверное, плач!

Итак,
мы рождаемся безымянными.
Смутны и сходны
черты наших лиц.
Разве пеленками да одеялами
друг от друга
мы отличаемся лишь!
От одеял —
и до одеяний,
далее —
до идеалов,

а живое — лежало камнем.
Самого себя — отрицаньем,
отреченьем от человеческого...
Миг!

И от нас отдалена
оказалась на тысячелетия.
Это, наверное, время над нами
всеми

смертями,
смертями,
в спину нам усмехается...
Кто говорит,
что время
минутами
исчисляется?

2. Надгробие

Мать схоронили...
Пролиты слезы
до капли.
С этого дня в изголовье могилы,
вместо мамы —
надгробный камень.
Маме на смену — встало надгробье.
Тень и сама она — рядом обе,
Да умерла ли?
Как не жила вовсе...
Надписями на камне,
каменными прописями,
именами живых —

вот чем здесь отличается
один человек от других.

3. Время

Но через месяц... Через месяц ровно
я вновь пришел на кладбище.
Не с мамой — увидеться
с ее надгробным камнем,

И не нашел...
Своим глазам не веря, я бродил,
искал, не понимал, не находил...
И вдруг меня как будто осенило!
Ведь хорошо я помню:
во время похорон
была последняя ее могила
на кладбище...
А нынче — сколько их со всех сторон
прибавилось.
И дальше все хоронят...
На кладбищах, где времени не помнят,
оно и здесь,
и здесь!
Не просто умирали
все мертвые...
Сходя в свои могилы,
они за шагом шаг и время отмеряли.

В детстве я знал точно:
в озерах вода проточная,
потому что прозрачная.
Я рассуждал мудро:
речная вода — стоячая,
потому что она мутная.
В детстве я твердо верил:
что река — о двух берегах,
а у моря — один берег.

Монолог на тему личной ответственности

Мой друг, не бойся падать.
Твержу тебе опять:
на практике падений
научишься вставать!

На практике ушибов
научишься ходить,
на практике ошибок —
работать и любить.

Упрямствующий втуне —
себе

первейший враг.

Сказать: «Я сделал глупость», —
вот это умный шаг!

Душа,
спеши в сраженья

без страха проиграть.
Любое поражение —
наука побеждать!

Паденье — только случай.
Вставай!

Пора идти!
(Но все же
падать лучше
на собственном пути.)

Тори свою дорогу,
труби в свою трубу.
За пальцы не бояться,
когда куют судьбу.
Не забывая, кто ты,
все ж помни об одном:
страшней фантазий Гёте
гвоздь

в сапоге твоём.
Умей же зубы стиснуть,
забыть, что есть друзья:
чужую боль постигнуть
научит
лишь своя...
Тепличный, нестрадавший,
не личность — существо, —
скажи,

что людям дашь ты
от сердца своего?
В себя влюбленный нежно

сторонник полумер,
ты в мир уходишь книжный,
но это — полумир.

Что можешь ты?
Стандартно
сюжет пережевать?
На свете не страдавши,
поверь,
не в силах даже
ты
сопереживать!

Давайте же учиться
на опыте своем.
Давайте
гимн ушибам,
ошибкам
гимн

споем!
С собой же
станем строги,
взыскательны,
резки —
ведь все ж
едва ли
боги
нам обожгут горшки...

Ответ

Веры хочу, чтоб за веру
было и жизни не жаль!

Бохджет Камал Чаглар

Что? Ищешь ты предмет служенья?
Я не ослышался ли? Нет!
Стал мастером стихосложенья —
еще не значит — ты поэт.
Постигший все в рифмовке, в слоге,
когда дела пошли на лад,
вдруг заметался ты в тревоге:
куда бы приложить талант?
Познавший бытие по книгам,
в себе ты холил мастерство,
а твой народ
 стонал под игом
вне умозренья твоего!
А родина твоя горела,
так горько,
 грозно так тиха,

но пламя то

 не подогрело
в тебе ни строчки, ни стиха.
В сердцах свобода тайным светом
сияла, как ни тщился тать,
а ты молчал.

 И смел поэтом
при всем при том
 себя считать!

К тебе не долетали ветры,
и все же ты в расцвете лет
уразумел:

 поэт без веры,
без убежденья — не поэт...
И пусть мой стих — не совершенство,
ты б понял по нему, Чаглар,
какое грозное блаженство —
от убежденья

 черпать дар!
Твое прозренья было возле,
а я, Чаглар,

 стою на том,
что раньше честь,
 а рифма после,
сначала вера,
 слог потом.

Соловей,
ты щелкаешь в стихах
не одно уже тысячелетье.
Но сегодня,
как ворону дети
палками гоняют из садов,—
соловья погнали из стихов.
Как снести печаль такую нам?
Сей беглец поэзии, однако,
все еще поет стихи, бродяга,
по ущельям диким и холмам...
Только одного не знаем мы:
В прибыли
стихи
или холмы?

Корень

На корнях
стоят деревья...
Вырастают,
раскинув кроны.
Силу жизни
дают им
корни.

В мире все
на своих корнях.
Корни есть
у земли,
у камня,
корни есть
у небесных звезд.
Человек же
свой корень носит
в голове —
корневищем —
мозг.

Как от злости
 все тело вибрирует!..
А она опять игнорирует,
все, что высказал и скажу...
Как я злюсь на тебя!
 Как гневаюсь!

Из себя выхожу!
Дохожу до крика.
Я ломаю язык, как заика.
Я во гневе горю, как в огне:
«Боже, дай же терпение мне!»
Клобочу,
негодую,
рвусь...
А немного спустя... мирюсь...
Сколько гневался, сколько злился,
сколько раз не вскипал, не дулся,
не пойму,

отчего и как,
гнев мой ненавистью не обернулся?
Упрекаю тебя, корю тебя,
но до ярости я
люблю тебя!
И терзается сердце жесткое
остротою сиротства вновь...
Гнев на милость сменив,
гнев не ненависть!
Гнев, помилуй меня,
любовь!

Карусель

Как колесо, кружится карусель.
Как шар земной, заверчена она.
Кружатся дети... Кто из них успел
сесть на коня, кто оседлать слона.

Кружится карусель... И все кругом
уже кружится... И хохочут дети.
Им кажется, они стоят на месте,
а мы вокруг них ходим ходуном.

Ликуйте, дети, смейтесь веселей!
Так ходим ходуном не только мы,
вкруг земли затеяв карусель,
так кружится над вами целый мир.

Ликуйте, дети, смейтесь!
В свой черед
и время кружит — карусель не эту...

Как мы над вами — вам пора придет —
кружить, волнуясь, за свою планету.

Но странно...
Я увидел в стороне:
малыш, сосущий вдохновенно палец,
на карусель кружащуюся пляясь,
смеется...
Восхищаясь,
изумляясь,
смеется,
словно тоже на коне
иль на слоне катается со всеми
на этой развеселой карусели.
Сливались лица радостные их...
Он радовался — радости других.

И боль вопроса родилась во мне:
а так же ли мы счастливы бываем,
когда другому — счастье на коне?
Когда другому — радость каруселью —
о, так ли кружит нас его веселье?

А самого себя...

Ну, не смешно ли?
Лишь самого себя не узнаю.

Я слушаю, как слово говорю,
как я чужому мною быть даю...
И снова голос свой не узнаю.

Звонок по телефону.
— А, привет! —
услышав голос,
говорю я в трубку.
Едва знакомых и знакомых много лет
я узнаю по голосу,
по звуку.

Но вот записан на магнитофон
был голос мой... И слушал я, как он,
чужой, звучал... И мною быть желал.
Я голос свой совсем не узнавал.

Людей, которых видел только раз,
по слову.
и по взгляду
поневоле
я узнавал тотчас в чужом краю...

Строфы

С тех пор, как вместе мы,
с тех пор, как наши руки,
соприкоснувшись раз,
переплелись навек —
пробелами в строке
у нас пошли разлуки,
явились знаки встреч —
ряд путеводных вех...

Нам без разлук нельзя.
Они вошли в привычку.
Все расстоянья их
не разделяют нас.
И ветер поездов,
задув дыханьем спичку,
большой огонь любви
хранит, чтоб не погас.

Чем дольше я в пути,
тем путь к тебе короче.
Чем отдаленней ты,
тем ближе я к тебе.
И брезжит впереди
сиянье скорой встречи,
как бы счастливый шаг
в счастливой же судьбе!

Ты всякий раз не та,
ты всякий раз иная!
Я в сотый раз хочу
тебя в тебе открыть!
И вот, в сто первый раз,
сама о том не зная,
нас разлучает жизнь,
чтоб вновь соединить.

Отходят поезда,
уходят пароходы...
Летят во все концы
листочки телеграмм...
Мне кажется порой,
что не часы, а годы
текут твои слова
ко мне по проводам!

Ну что в том за беда:
днем меньше или больше?
Но снова снишься ты,
и ты глядишь в окно...

В час встречи — двое нас,
но как прекрасно, боже,
что, как ни говори,
в разлуке мы — одно!

И странно: в те часы,
когда уже мы вместе,
сто тысяч раз вдвоем
вдали от всех разлук,
тоскую по тебе,
и сердце нё на месте —
о светлая тоска,
о грусть в часы разлук!

Так в чем же тут секрет?
Весна сменяет зиму,
разлуке есть предел —
не вечно же ей быть!
Разлуке есть предел,
но непреодолимо
желание мое
тебя в тебе открыть.

Я всякий миг с тобой,
любимая, в разлуке,
тоскую по тебе
с тех пор, как я с тобой,
с тех пор, как вместе мы,
с тех пор, как наши руки
остались навсегда,
навек — одна в другой...

Ты говоришь: мысль века так строга,
что в старые размеры не вместиться...
А вот Сабира мерная строка
Ни в небеса, ни в море не вместится.

Разбить размеры можно, не спеши...
Но современность к ритму не причисли!
И вольности в размере не ищи,
ищи ее в значительности мысли.

Мир возник вчера...

«Старо, как мир»...
Мой друг, взгляни на деревце,
чей тонкий профиль между нами встал.
Ты знаешь, право,
мне порой не верится,
что этот мир
так безнадежно стар!

Ты знаешь, друг,
мне кажется с утра,
что этот самый мир
возник вчера,
и в нем явились многие миры
таких, как мы,
и не таких,
и прочих,
как яркие воздушные шары,
что продавщица вынесла на площадь.

...и вдруг, разжавшись,
детская рука
роняет
красный шарик
в облака,
и он летит,
и он стремится ввысь,
и взгляды удивленные он множит...

Нет, верно,
не вчера мы родились,
и все ж наш лучший день
еще не прожит!

Ведь даже в самый-самый добрый час
мы — в будущем,
все впереди у нас...

Вот девочка, как деревце дрожа,
кого-то ждет
под фонарем на площади —
любимого?

А может быть дождя?
Вся в будущем,
запомнивав прошлое,
она стоит под фонарем-луной,
как песня,
не написанная мной.

Задумчиво
Я подойду к окну:

«Старо, как мир»? —

нет, нынче я не лягу.

Табачным дымом

на стекло дохну...

Мне брезжит мир

сквозь белую бумагу!

И тянется к перу моя рука,

и за строкой

рождается строка,

и сердце

улетает за строкой —

к иным мирам

влечет познания голод...

Мир никогда не стар.

Мир вечно молод

для тех, кто в мире этом юн душой.

СОДЕРЖАНИЕ

«Откликнись, строка, словно эхо...» Перевел В. Луговой	3
Баллада о времени. Перевел В. Луговой	5
Горный поток. Перевел В. Луговой	8
У карты Мира. Перевел В. Луговой	10
Сорок первый перевал. Перевела А. Ахундова	11
«Сегодня минуло полжизни...» Перевела А. Ахундова	14
Светает. Перевела А. Ахундова	15
«Ты говорил...» Перевела А. Ахундова	16
«Мосты стоят меж разных берегов...» Перевела А. Ахундова	18
Просторный школьный класс. Перевел В. Луговой	20
Кажется нам... Перевела А. Ахундова	24
В разлуке. Перевел В. Луговой	27
«Радуга жизни моей...» Перевел В. Луговой	30
«Какое ты пламя — не знаю...» Перевела А. Ахундова	32
Антенны. Перевела А. Ахундова	33
«Да! В космос человек взлетел...» Перевел В. Луговой	38
Девичья Башня. Перевела А. Ахундова	40
Четыре времени в сердце. Перевела А. Ахундова	41
«Каспий, о Каспий...» Перевел В. Луговой	43
Полет. Перевел В. Луговой	45
«Ворона каркает и сто, и двести лет...» Перевел В. Луговой	49
Славословие ночи. Перевел В. Луговой	51
Стихи о Пиргулинской обсерватории. Перевела А. Ахундова	54
Земля — небо. Перевела А. Ахундова	62
Самолеты. Перевела А. Ахундова	64
«Для того ли мы живем...» Перевел В. Луговой	66
Чего-то не хватает... Перевел В. Луговой	68
Новогодние размышления. Перевел В. Луговой	72

Свет — тьма. Перевела А. Ахундова	75
Потерял... Перевел В. Луговой	76
Столпотворенье и забор. Перевел В. Луговой	78
Ода разобщенности. Перевел В. Луговой	80
Стихи о смерти. Перевела А. Ахундова	83
«В детстве я знал точно...» Перевела А. Ахундова	86
Монолог на тему личной ответственности. Перевел	
В. Луговой	87
Ответ. Перевел В. Луговой	90
«Соловей...» Перевела А. Ахундова	92
Корень. Перевела А. Ахундова	93
«Как от злости все тело вибрирует!...» Перевела	
А. Ахундова	94
Карусель. Перевела А. Ахундова	96
«Звонок по телефону...» Перевела А. Ахундова . . .	98
Строфы. Перевел В. Луговой	100
«Ты говоришь...» Перевела А. Ахундова	103
Мир возник вчера... Перевел В. Луговой	104

Вагабзаде (Вагабов) Баттияр Матмуд-оглы

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ

Издательство «Советский писатель» 1968 г. 108 стр. Тем. план выпуска 1968 г. № 278. Редактор И. М. Харабаров. Худож. редактор Е. Ф. Капустин. Техн. редактор Р. Я. Соколова. Корректор А. Э. Казакевич. Сдано в набор 21/III 1968 г. Подписано к печати 22/V 1968 г. А 05383. Бумага 70×108¹/₃₂. № 1. Печ. л. 3¹/₈ (4,72). Уч.-изд. л. 3,16. Тираж 20 000 экз. Заказ 104. Цена 36 коп. Издательство «Советский писатель» Москва, К-9, Б. Гнездинковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

36 коп.

